

Владимир Петрович встал раньше обычного.

Позавтракал, не дожидаясь жены. Принял отложенные с вечера таблетки – целую горсть. Таблетки жена для наглядности укладывала в пластмассовый контейнер с ячейками «утро», «день», «вечер». Так делают в больницах, и воспоминание о больнице заставило Владимира Петровича поморщиться.

Он пригладил волосы рукой. Надо будет перед выходом причесаться. Не помешало бы и побриться, но в одиночку управиться с бритвой ему теперь было сложно, а будить жену не хотелось.

Владимир Петрович зашаркал в прихожую. Открыл гардероб, стал на ощупь перебирать костюмы.

– Володя? – в дверях комнаты появилась жена. – Ты что тут роешься?

Владимир Петрович на мгновение замер, потом усмехнулся привычно:

– Галочка, ложись, поспи ещё.

Ему никак не удавалось нащупать нужный костюм. Пальцы помнили: фланель, прохладная, мягкая. А вот зрение давно отказало. Окружающий мир с каждым годом терял прежнюю чёткость, расплывался серым колышущимся туманом.

Галина Антоновна возмутилась.

– Никуда я не лягу. Что ты затеял?

– В Институт надо, – отрывисто произнёс Владимир Петрович. Он знал, что последует буря.

– Куда? – ахнула Галина Антоновна. – Что ты там забыл? Володя?!

– Учёный совет сегодня, – сказал Владимир Петрович.

– Какой учёный совет? Ты что?

– Звонил же вчера... как его? Ну? Подскажи!

Галина Антоновна всплеснула руками.

– Господи... Сейчас начнётся опять...

– Ну? Галочка? Напомни! – голос Владимира Петровича просительно дрогнул. Просьба, граничащая с беспомощностью. В прежние годы такого не было. Когда он был начальником отдела в Институте материаловедения, и позже, когда стал замом директора, и в совсем поздние годы, когда, по возрасту, ему оставили только должность завсектором, – в ту пору его просьбы звучали

иначе. Был в них и строгий начальственный рокот, и снисходительное добродушие, присущее Владимиру Петровичу во все времена, и даже что-то аристократическое звучало тогда в его голосе.

Владимир Петрович никогда не опускался до грубого слова. С подчинёнными, что бы ни случилось, держался всегда уважительно. Перед вышестоящими не заискивал. По институтским меркам это было редкостью, и Владимира Петровича действительно любили все – от аспирантов и референтов до убелённых сединами академиков и сухих администраторов из дирекции.

За шесть десятилетий в Институте сменилось немало директоров. Но Владимир Петрович оставался незыблем. Шутили, что он, с двумя другими старожилками-профессорами, – словно троица атлантов-хранителей, которые держат на своих плечах Институтскую твердь.

Никто из «атлантов» не вышел на пенсию. Они, как когда-то герои Стругацких, не мыслили себя вне работы. Других провожали в шестьдесят, в семьдесят, многие сотрудники уволились сами в лихие девяностые, когда зарплаты съёжились до предела, а Институт, некогда престижное по советским меркам учреждение, вступил в эпоху упадка. Многие ушли в мир иной. Но Владимир Петрович держался.

Как-то на «пересменке» между двумя директорами (министерского назначенца отверг коллектив, а новую кандидатуру министерство придерживало, вероятно, в отместку) – директорские обязанности временно возложили на Владимира Петровича. Но он дал понять функционерам-чиновникам, что такая карьерная перспектива его не интересует. Бюрократическая возня, согласование разных бумажек – отвлекали Владимира Петровича от науки, а наука была для него важнее регалий.

Так шло время... Кипела работа. Под началом Владимира Петровича защищались кандидаты и доктора наук. Сам Владимир Петрович старался не уступать давлению времени. Хотя было трудно, копилась болезнь, понемногу сдавала память. Но он по-прежнему оставался в строю. В семьдесят восемь освоил мобильник, на девятом десятке – скайп.

Когда стало сложно ходить, взбираться по лестницам, и даже парадные ступеньки у входа в

Институт превратились в едва одолимую преграду, дирекция разрешила Владимиру Петровичу работать на дому. Но он всё равно всеми силами рвался в Институт: своя «Лада» давно была продана, но Владимир Петрович ловил машину и мчался, как он говорил, «в родные пенаты».

А уж там, в стенах Института, он был в своей стихии. Проверял ход работ в лаборатории, наставлял аспирантов, ходил не спеша по отделам, преодолевая бюрократические препоны, мешающие научным исследованиям, и, конечно, перебрасывался анекдотами со старыми друзьями, многие из которых тоже отдали Институту по полвека и больше.

И как ни шалило иной раз самочувствие, Владимир Петрович не пропустил ни единого заседания учёного совета.

– Галочка, напомни, будь добра. Вчера звонил – как его фамилия? А? – требовательно спросил Владимир Петрович.

И Галина Антоновна, покорившись, принялась перебирать имена.

– Мельниченко?

– Нет.

– Соболев?

– Что за Соболев? – Владимир Петрович нахмурился.

– Ну, Рудик, Рудольф Аркадьевич, из семьсот восьмой комнаты. Ты что, забыл?

– А, Рудик... Нет, не он. Этот, ну кто у нас сейчас завотделом?

– Михалычев? – упавшим голосом спросила Галина Антоновна.

– Вот, точно! – обрадовался Владимир Петрович. – Он и звонил. Как ты сказала? Михалычев?

– Да.

– Правильно. Михалычев. Учёный совет в одиннадцать часов. Помоги мне надеть костюм.

– Володь, ну может, не надо? – взмолилась Галина Антоновна. – Пускай без тебя соберутся, ты потом позвонишь, всё узнаешь...

– Как так – не надо? – удивился Владимир Петрович. И добавил строго: – Галочка, это учёный совет, я обязан там быть. И я там буду.

Владимир Петрович сердился. Ему было вредно сердиться. И Галина Антоновна отступила. Но прошло ещё добрых полчаса, прежде чем сборы закончились. Пришлось искать папку с распечатками диаграмм, отутюжить рубашку, разложить запасы лекарств по карманам. Галина Антоновна настояла, чтобы муж померил давление. Давление было в норме.

Наконец, Владимир Петрович, гладко выбритый, аккуратно причёсанный,

облачённый в свой старый костюм, стоял на пороге. На этаж поднялся водитель Олег, оповещённый в срочном порядке и потому недовольный. Одно время Олег был водителем служебного транспорта в Институте, потом подрабатывал частным извозом и, по давней дружбе, подбрасывал Владимира Петровича на работу.

Опираясь на руку Олега, Владимир Петрович спустился на пол-этажа, к лифту. Почему в этих старых домах лифты расположены на площадках между этажами? Думал ли архитектор, что пожилому человеку даже этот десяток ступенек даётся невероятным трудом?

Ступеньки, лифт, снова ступеньки... Тяжело отдуваясь, Владимир Петрович открыл дверь подъезда. Переступил порог.

Улица, полная разноголосых шумов... Свежий воздух... Весна... Владимир Петрович с наслаждением вдохнул пряный аромат. Весной воздух всегда особенный, юный. От него словно сам делаешься моложе.

И уже не придерживаясь за Олега, Владимир Петрович зашагал к машине.

– Осторожно, Владимир Петрович, здесь асфальт неровный, – с тревогой сказал Олег.

– Обойду, – благодушно откликнулся Владимир Петрович. И слегка улыбнулся своим мыслям.

Он знал: и жена, и Олег считают его чудачком, выжившим из ума трудоголиком. Знал и то, что память подводит, и он сам порой пользуется этим, позволяет себе немного схитрить. Ведь на самом деле он не был уверен, что сегодня учёный совет. И что с Михалычевым разговор был вчера. Может быть, позавчера? Или даже в прошлую пятницу? А сегодня, возможно, всего лишь заседание кафедры. Рядовое собрание, где присутствие не обязательно. Или всё же учёный совет?

Нужно было бы перед выходом созвониться с Михалычевым, уточнить... Но Владимир Петрович боялся: вдруг совет не сегодня? И жена по обмолвкам поймёт: необходимости ехать нет. Тогда уж не вырвешься... А ведь время-то сложное, работа простаивать не должна, Институт еле-еле справляется. Как же можно в такой обстановке отсиживаться дома?

Нахмурившись, Владимир Петрович уселся в машину (Олег предупредительно распахнул дверцу).

Загудел мотор. Под жужжание его, под звуки улицы – мысли Владимира Петровича текли неспешно, размеренно.

Институт, думал он. Молодые, им что... Они этого не понимают. Сегодня здесь, завтра там. Внук Федя сменил уже четыре работы, теперь менеджер в известной интернет-

компании, а ведь парню всего двадцать шесть... Понимают ли они, что это значит – проработать всю жизнь на одном месте? Всего себя посвятить Институту, его нуждам, его трудностям и успехам?

– Владимир Петрович, может, вернёмся? – просительно сказал Олег. – Впереди пробки, вовек не проехать...

Владимир Петрович лишь усмехнулся:

– Прорвёмся!

Он знал: Олег беспокоится за него, хочет отговорить от поездки. Ведь каждому ясно: в таком возрасте, когда за плечами к тому же два давних инфаркта и нарушивший память

инсульт, целый день на работе может обернуться бедой. Олег по-своему прав, и Галочка тоже права.

Всё это Владимир Петрович отлично знал.

А не знал он того, что три года уже как уволен. Что разговор с Михалычевым был в позапрошлом году. Что минувшей осенью Михалычев умер, а вскоре и сам Институт был закрыт.

Всего этого Владимир Петрович не знал. Он чувствовал себя превосходно. Весенний город мелькал за окнами. Олег, старый друг, сосредоточенно вёл машину вперёд.

Владимир Петрович ехал в Институт.